

тропою души *семейная история*

.....

Кэтрин Хьюз «Письмо»
Кристина Кабони «Тропою ароматов»

тропою души семейная история

.....

КРИСТИНА КАБОНИ

Тропою Бароцатов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
К12

«IL SENTIERO DEI PROFUMI»
by Cristina Caboni

Серия «Тропой души: семейная история»

Перевод с итальянского *Татьяны Быстровой*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Кабони, Кристина.

К12 Тропой ароматов : роман / Кабони, Кристина; [пер. с ит. Т.А. Быстровой] — Москва : АСТ, 2016. — 480 с. — (Тропой души: семейная история).

ISBN 978-5-17-091934-5

Все женщины семьи Россини занимались изготовлением духов. Элену воспитала строгая бабушка, которая сразу почувствовала во внучке природный дар и силу, необходимые для продолжения семейной традиции, а кроме того, Лючия Россини была уверена, что именно Елена разгадает семейный секрет и отыщет рецепт «совершенного аромата», надежно спрятанный основательницей династии Беатриче Россини. Лишенная материнской любви, Елена чувствует себя брошенной и одинокой. Тепло, которого ей так не хватает, она находит в семье подруги, Моник... Проходят годы, Элене исполняется 26, и именно благодаря Моник она оказывается в Париже, в одном из самых престижных парфюмерных салонов французской столицы. Перед девушкой тысячи дорог, и никто не знает, куда они ее приведут. Какую же выберет Елена?..

**УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44**

ISBN 978-5-17-091934-5

Copyright © Cristina Caboni
© Быстрова Т., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Скажи, о женщина, как разгадать твою мне тайну?
Ты тяжелей воды речной, прозрачнее бумаги.
Чем больше ты обнажена, тем более в тебе секрета.
В чем сила беззащитности твоей и удивительного света?
И ослепительно блестят доспехи твоей красоты...

Томас Сеговия

*Женщинам моей жизни:
маме, сестрам, дочерям, подругам —
посвящается эта книга.*

Счастье — это не что иное, как аромат нашей души.

Коко Шанель

Пролог

Розовое дерево. Сладкий, фруктовый аромат с легким оттенком пряностей. Аромат доверия и душевного покоя. Он напоминает о легкой горечи ожидания и дарит надежду.

— **З**акрой глаза, милая!

— Так, ба?

— Да, Елена. Вот так. Делай, как я тебя учила.

Посреди комнаты в полутьме, опираясь ладонями о крышку стола, зажмурившись, стоит девочка. Тоненькие пальчики скользят по поверхности стола и цепляются за ребристый край. Но запахи, которые она ощущает, доносятся не от флаконов с эфирными маслами, хотя ими заставлены многочисленные полки, занимающие стену лаборатории от пола до потолка.

От бабушки исходит запах нетерпения. От девочки — запах страха.

— Ну? Что?

— Я стараюсь.

Губы бабушки сжимаются в тонкую нить. Запах гнева — острый и едкий, он напоминает запах дыма, идущего от тлеющей головешки. Сейчас старуха ударит ее и уйдет. Елена это знает и ждет. Надо потерпеть, осталось совсем чуть-чуть.

— Постарайся, сосредоточься. Закрой глаза, делай, как я говорю!

Занесенная для удара рука едва касается волос девочки. Даже подзатыльник у бабушки ненастоящий. Сплошное притворство, как и все остальное. Вранье, как и ее рассказы. Элена отвечает на ложь ложью.

— Ну-ка, скажи, что это?

Бабушке надоело ждать и она сует Элене под нос пузырек со смесью эфирных масел. Но простой ответ ее не устроит, ей нужно другое. Совсем другое. Но Элена не хочет отвечать.

— Розмарин, тимьян, вербена.

Еще один подзатыльник.

Слезы стоят в горле. Но Элена не сдается. Чтобы приободриться, она тихонько напевает.

— Нет, все не то. Так ты никогда не найдешь идеальный аромат. Ты не должна искать его извне. Загляни внутрь запаха, ищи! Он — это ты, слушай, что он тебе говорит, люби его, говори с ним на одном языке. Давай, попробуй еще раз. Сосредоточься!

Но Элена разлюбила ароматы. Ей больше не хочется смотреть на луга вдоль реки, куда мама водила ее в далеком детстве. Ей не хочется чувствовать запах ни нежно-растущей травы, ни бегущего ручья. Ей не хочется видеть глаза лягушек, уставившихся на нее из зарослей тростника.

Она снова зажмуривается и стискивает зубы, не желая пускать в себя ни единого аромата. Но вот в черной пустоте с едва заметными светлыми проблесками взрывается звезда.

— Аромат розмарина белого цвета.

Бабушка широко раскрывает глаза.

— Так-так, — бормочет она, и в ее взгляде загорается огонек надежды. — Почему он белый? Расскажи мне о нем.

Элена открывает рот, чтобы передать, что нашепты-
вает ей аромат, и переполняющие душу и тело чувства
рвутся наружу.

Розмарин становится цветом. Элена ощущает его на
кончике языка, он течет по венам, ее тело дрожит. Белый
сменяется красным, красный — фиолетовым.

Элена прикрывает глаза, ей страшно.

— Нет! Не могу, не хочу!

Точно окаменев, бабушка смотрит на внучку, а та уже
бежит прочь из комнаты. Нахмурившись, Лючия качает
головой и опускается на табуретку. Потом, глубоко
вздыхнув, она поднимается и открывает ставни. Бледный
вечерний свет проникает под своды лаборатории, кото-
рая принадлежит семье Россини уже более трехсот лет.

Лючия подходит к тяжелому деревянному серванту,
растянувшемуся на целую стену. Она достает из карма-
на передника ключ, вставляет его в замочную скважину,
открывает одну из дверей, и легкий аромат диких трав
наполняет комнату, смешавшись с повисшим в воздухе
запахом ванили. Еще через мгновение по лаборатории
разливается благоухание лимона и апельсина.

Окутанная облаком смешавшихся ароматов, пожилая
женщина нежно поглаживает расставленные на полках
книги и выбирает одну из них. На секунду она прижима-
ет книгу к груди, затем садится за гладкий деревянный
стол и осторожно листает страницы. Сколько раз ее паль-
цы привычно скользили по пожелтевшим от времени ли-
стам, пытаясь набрести на след идеального аромата.

Кажется, что и теперь она пытается что-то разглядеть
между строк. Но в ровном почерке, которым покрыты
страницы, нет ничего, что помогло бы Лючии объяснить
внучке: идеальный аромат не выбирают, как куклу.

Аромат — это путь. Чтобы обрести собственную душу,
нужно пройти его до конца.

I

*Дубовый мох. Яркий, пронзительный и древний.
Аромат силы и постоянства. Он развеивает
дымку бередящего душу разочарования в миг, когда
осознание совершенной ошибки проникает в мир
твоих иллюзий. Этот аромат приглушает тоску
по тому, что могло бы случиться, но так
и не произошло.*

Запах, поднимавшийся от реки Арно, отдавал сухостью. Он напоминал вонь заплесневелой муки и вызывал отвращение, порождая разочарование. Оно уже давно угнездилось в душе.

Элена Россини прижала скрещенные руки к груди и попятилась. Перед ней раскинулась медленно текущая река. За сухие летние месяцы река обмельчала: дождь в этих местах был редким гостем, а год выдался засушливым.

— Даже звезд не видно, — пробормотала Элена, закинув голову и глядя в вечернее небо.

И все же луч света прорезал то тут, то там плотную теплую сентябрьскую ночь, поблескивая на хромовой поверхности замков, повешенных на мосту влюбленными. Замки скучились на решетках парапета точно так же, как мысли в голове девушки.

Элена протянула руку и провела пальцем по одному из них. Для влюбленных замок символизировал своего рода договор, заключенный на целую вечность. Они защелкивали его в попытке спасти свои чувства от износа и истощения.

Маттео выбрал огромный тяжелый замок и защелкнул у нее на глазах, а ключ выбросил в реку. Елена запомнила вкус поцелуя, последовавшего за этим обрядом. Все произошло за несколько минут до того, как Маттео предложил ей переехать к нему.

Ее передернуло от этого воспоминания.

Теперь Маттео — всего лишь бывший возлюбленный, бывший партнер, бывший много чего еще.

Элена стиснула руки, отгоняя дрожь, и пошла вперед. Прежде чем свернуть в сторону площади Микеланджело, она бросила последний взгляд на вереницу замков, символизирующих чьи-то надежды. «Готова поспорить, скоро к ним присоединится новый», — подумала она. Еще один клещ вопьется в решетку моста, толстый и золотистый. И если она хоть немного знает Маттео, новый замок будет именно таким. На нем будет надпись: «Маттео и Алессия...» — так зовут его новую возлюбленную, ту, что заняла ее место. Ту самую, которую Елена по глупости какое-то время считала подругой. На секунду она снова вспомнила эту сцену: Алессия и склонившийся над ней Маттео — вместе, в тот самый миг, когда двое поверяют друг другу самую сокровенную тайну.

«Какая же я дуручка», — подумала Елена.

Давно пора было обо всем догадаться. Но Маттео совсем не изменился, его отношение было все тем же, что и в первые дни. И это самое страшное. Как несправедливо! У нее не было ни единого шанса.

Элена ускорила шаг, словно хотела обогнать накопившееся воспоминание, преследовавшее ее все утро. Бесполезно: оно вставало перед глазами снова и снова, точно застывший кадр любовной драмы.

...Элена распахнула дверь в маленький ресторанчик, который держала вместе с Маттео. Обычно в это время ее друг составлял меню на кухне. Но на этот раз ее взгляду предстала картина, заставившая ее буквально окаменеть. Элена ухватилась руками за дверь: потрясение было настолько сильным, что у нее подогнулись колени.

Алессия и Маттео вскочили, подхватили вещи и попытались прикрыться.

Все трое оторопело смотрели друг на друга. В тишине слышалось тяжелое дыхание недавних любовников.

Элена онемела — так и стояла у двери, не шевелясь, пытаясь осознать смысл сцены, свидетельницей которой она только что стала. Постепенно мысли возвращались.

— Какого черта вы делаете?

Через мгновение она уже пожалела о бессмысленном вопросе, сорвавшемся с языка. Что за глупость? Ответ очевиден. Смысл случившегося понятен даже слепому, а Элена все видела четко и ясно. Да и слышала тоже.

И если бы кровь не стыла у нее в жилах, она с радостью посмеялась бы над нелепостью происходящего. Но, совершенно утратив чувство юмора, она так и стояла на пороге, сжав руки в кулаки, и ее сердце бешено колотилось. Униженная, переполненная негодованием, Элена ждала, что скажет Маттео. Тот поначалу смутился, но затем вдруг набросился на Элену с обвинениями. Он даже не потрудился придумать какое-то оправдание и не пытался ничего отрицать. Никаких тебе «я все объясню» или «все совсем не так, как тебе показалось...».

— А какого черта здесь делаешь ты? Разве ты не должна быть в Милане? — огрызнулся он.

Такая реакция еще больше шокировала Элену: она что, должна оправдываться? В дороге Элена почувство-

вала себя нехорошо и потому вернулась домой. Но не позвонила Маттео.

Элена совсем растерялась.

— Как ты мог так со мной поступить?

Еще один неправильный вопрос!

Молчание, смущение, чувство беспомощности сменились злобой. Она никогда не умела красиво говорить, а в эту минуту в голову и вовсе ничего не приходило. Тогда она перевела взгляд с Маттео на Алессию, словно пытаясь донести до нее чудовищность происходящего. Элене хотелось наброситься на соперницу, ударить со всей силы. Неужели она не понимает, что натворила?

С Маттео Элена встречалась чуть более двух лет. Рано или поздно они бы поженились. Не то чтобы Маттео об этом говорил, но разве не он предложил ей переехать к нему? Разве жить вместе — это не первый шаг? Разве не Элена вложила большую часть своих сбережений в его дурацкий ресторан?

А теперь все мечты и планы рассыпались в прах. Все кончено!

— Не надо принимать это так близко к сердцу, такое случается, — сказал Маттео.

Такое случается?

От подобного заявления негодование захлестнуло Элену с головой. Она почувствовала, как внутри разгорается бешеная злоба.

Через несколько секунд в сторону голубков уже летела сковорода, а они прятались за столом. Удар железной сковороды об пол положил конец выяснению отношений.

Прежде чем уйти навсегда, Элена обернулась. Еще вчера она верила, что здесь — ее будущее.

Раздавшийся неподалеку смех вернул ее к действительности. В душе сохранился чуть слышный горько-

сладкий привкус, и в сознании короткой вспышкой промелькнуло: бабушке Лючии Маттео Феррари никогда не нравился. Это немного утешало.

А вот Елена влюбилась в него с первого взгляда. Она его баловала, поддерживала и даже обслуживала. Обслуживала, потому что думала, что настоящая подруга должна помогать мужчине во всем. Ничто не должно было нарушить гармонию или испортить их отношения. Она с самого начала так решила. Короткие интрижки или бессмысленные связи ради секса были не для нее. Все, что ей было нужно, — это Маттео. Он хотел завести семью, детей. Для Элены это было самое важное. Вот почему она выбрала именно его и решила пожертвовать всем, чтобы сохранить эти отношения. Она никогда не жаловалась, не ныла. Но он все равно ее предал.

И это оказалось большее всего. Как она ни старалась, скольким ни жертвовала, а все равно ничего не вышло. Сплошное разочарование.

Это была настоящая катастрофа.

Вечером на улицы высыпал весь город. Центр кишел народом; Флоренция утихала только под утро. На площадях толпились художники, студенты, туристы. Некоторые стояли под фонарями, болтали или околачивались по темным углам, где можно было познакомиться с кем угодно, в том числе для более интимных встреч.

Элена шла по улице, предаваясь воспоминаниям и погрузившись в облако знакомых запахов района Санта-Кроче. Здесь ей были знакомы каждая улочка, каждый булыжник, отшлифованный за долгие годы подошвами прохожих. Перед ее усталым взглядом четко вырисовы-

вались профили домов. Вывески магазинов светились в темноте. Казалось, здесь ничего не изменилось. Елена поразилась приятному чувству, рождавшемуся внутри при виде знакомых мест.

«Целый год прошел», — подумала она. Да, целый год она не появлялась в бабушкином доме. После смерти Люции Елена больше сюда не возвращалась.

И все же когда-то здесь был и ее мир. В этом районе она ходила в школу, а потом и в лицей, — улица Колонна всего в двух шагах от бабушкиного дома. Из этих окон она смотрела на детей, которые играли на площади.

Никто из соседних девчонок не разбирался в духах, не чувствовал запахи так, как она. Ни одна из учениц ее класса ни разу не видела перегонного куба и знать не знала, что жир впитывает запахи. Слова «эфирное масло», «плотность», «купаж» или «микс» не значили для обычных девочек ровным счетом ничего.

Зато у каждой были мама и папа.

Поначалу Елена не обращала внимания на сверстниц. Но постепенно она почувствовала зависть к мирку, где все было четко и ясно, и захотела стать его частью. Ей хотелось быть как все.

Родители одноклассниц всегда были с ней очень любезны: дарили подарки, приглашали в гости. Не было такого праздника, на который бы ее не пригласили. И все-таки их улыбки никогда не долетали до ее сердца. Они казались чем-то отдельным от тела: быстрые, неуловимые. Точно срочное дело, от которого стараешься поскорее избавиться. Сделал и забыл.

Тогда она вдруг поняла.

Горький привкус стыда заставил ее отдалиться даже от тех подруг, которым, казалось, не было дела до того, что Елена жила в таком странном доме и что вместо ро-